

2207

ОМСКИЙ РАЙОН

25 ОКТ 1981

ЮБИЛЕЙ 21 года

К 160-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского

1936 году в связи с реконструкцией этого района он был перенесен во двор бывшей Мариинской больницы, во флигеле которой родился писатель).

Юбилей 21 года стал для молодой, только еще зарождающейся советской науки о литературе первым этапом освоения наследия Достоевского. Библиография работ о Достоевском, появившихся в нашей стране после 1917 года, зафиксировала, что 21 год дал 127 публикаций. Среди их авторов — А. Горнфельд, Л. Гроссман, И. Груздев, А. Долинин,

классиков с корабля современности», а также любители упрощать сложное до азбучного уровня или наоборот усложнять очевидное, нзшли и у нас. Появлялись их статьи под такими, например, заголовками — «Печальник Чердака и подвала», «Неразгаданный», «Художник рабов». В Казани даже вышла статья под названием «Мучительный юбилей».

Однако «мучительным» юбилей 21 года был лишь для немногих недалеких людей. В целом же он стал праздником отечественной литературы. Со-

эпидемия, главным образом тифа». Газета пишет о суде над колчаковскими карателями, о поджоге контрреволюционерами омских железнодорожных мастерских, которые в результате пожара вышли из строя, об убийствах на улицах, совершаемых грабителями... И тут же, на четвертой странице, статья Юрия В. «Памяти Ф. М. Достоевского», в которой пишется, что его творчество — это «бунт чуткой совести против несправедливости и страданий, против бога, допускающего такую несправедливость и такие страдания». И тут же — хроникальная заметка «Ознаменованье 100-летних юбилеев Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова». Из нее можно узнать, что кроме литературного утра состоялся вечер в клубе военно-учебных заведений, на котором был доклад, концерт, разыгрывание профессиональными актерами сцен из «Преступления и наказания», книжная выставка.

его псевдоним 20-х годов) будут специально писать о проблеме «Леонов и Достоевский».

Двадцать первый год. Год великих страданий, но и великих надежд. Ведь гражданская война все же позади! Разбиты «добровольцы» Деникина, сброшен в Черное море Врангель, расстрелян Колчак, завершена польская кампания. Ушли немцы, французы, англичане... Загнаны в подполье внутренние враги. Россия сохранила свою государственность, не превратилась в лоскутное одеяло — не распалась на зоны, на сферы влияния, как проглотили меньшевики. Кончился период военного коммунизма, страна на пороге НЭПа.

Что было бы, если бы Достоевский мог встать тогда из гроба и посмотреть на происходящее вокруг, в его России? Этот вопрос задал не кто-нибудь, а первый нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. Он говорил об этом на торжестве в честь столетия, а потом напечатал стенограмму своего выступления в «Красной нови» — первом советском «толстом» журнале. Для него, как и для будущего автора «Дороги на океан» и «Русского леса», Достоевский был «нашим».

Есть годы, записанные на скрижалях истории кровью. Таким годом был для нашей страны 1921-й. Измученная двумя войнами, совершившая две революции Россия, по словам В. И. Ленина, напоминала человека, которого избili до полусмерти, и он еле может передвигаться на костылях.

Страшная засуха, распространившаяся в двадцати с лишним наиболее плодородных губерниях Поволжья и прилегающих к нему районов, поставила перед более чем тридцатью миллионами человек непосредственную угрозу голодной смерти.

Закончена гражданская война, но ох, как далек еще тихоокеанский прибой! В мае белогвардейцы произвели контрреволюционный переворот в Приморье, с юга угрожает барон Унгерн, в декабре японцами занят Хабаровск. Еще не взяты Волочаевка и Спасск, не освобожден Владивосток.

Треть государственного золотого запаса, увезенного белыми из Казани в Сибирь, ими расхищена и растрачена. Потребность промышленности Сибирских городов в чугу не обеспечивается на 2 — 6 процентов. Стоят заводы. Оборудование угольных шахт настолько изношено, что затраты на его ремонт превышают затраты на саму угледобычу, в результате — топливный голод. Только в одной Омской губернии белогвардейцы разграбили свыше 56 тысяч крестьянских дворов, сожгли около шести тысяч жилых домов и 20 тысяч хозяйственных построек.

В стране свирепствуют тиф и холера. Выросла преступность, пышно расцвела спекуляция, остро стоит проблема детской беспризорности.

Таким был 21 год. Юбилейный год Достоевского — ибо по трагическому стечению обстоятельств именно на него пришлось столетие со дня рождения великого писателя. Нищая, разоренная, голодная страна, страна, где на тысячу человек населения приходилось всего лишь 319 грамотных, должна была чествовать память своего гения. Можно понять пессимизм петроградского «Вестника литературы», одного из немногих выходивших тогда журналов, который писал, что революция «заглушила инстинкт влечения, интереса к творцам культуры», что «самое понятие культуры стало исторической категорией». За границей, особенно в стане белой эмиграции по поводу предстоящего юбилея высказывались более определенно: большевикам сейчас не до Достоевского, праздник национальной культуры будет забыт.

Но жизнь показала иное. Еще в августе 1918 года «Известия» напечатали список исторических лиц и деятелей культуры, которым намечалось поставить памятники в Москве, Петрограде и других городах страны. В графе писателей имя Достоевского значилось вторым (после Льва Толстого). Под списком стояла подпись В. И. Ленина. Памятник работы скульптора С. Меркурова был установлен в том же году — в день празднования первой годовщины Октябрьской революции, на Цветном бульваре (в

Ю. Тынянов. Кончился — в смысле календарном — 1921 год, но «год Достоевского» продолжался. В 1922-м было напечатано еще 133 работы, появились публикации Ю. Айхенвальда, М. Бродского, В. Виноградова, В. Комаровича, А. Кони, Н. Пиксанова, К. Чуковского.

Коллективной работой, не утратившей своего значения и по сей день, был первый долинский сборник статей и материалов о Достоевском, который по признанию самого А. С. Долинина составлялся «в месяцы, промежуточные между юбилеем смерти и юбилеем рождения писателя», то есть между февралем и ноябрем 1921 года.

Осенью этого же года в Петрограде вышла ставшая сейчас большой редкостью однодневная газета «Достоевский». Выпустило ее Русское библиологическое общество на средства Госиздата. В газете были и воспоминания современников писателя, и исследовательские статьи, и его неизвестное письмо, и библиография литературы о нем, появившейся после революции.

По-своему отмечали юбилей по ту сторону баррикад. В Софии, например, преосвященный Антоний, бывший митрополит Киевский и Галицкий, выпустил книжонку «Словарь к творениям Достоевского». В ней подобраны выжимки из высказываний Достоевского, снабженные малограмотными, но достаточно реакционными и шовинистскими комментариями «литературоведа» в расе.

Апологеты «сбрасывали

стоялись вечера памяти великого писателя в Вольной Академии духовной культуры, в Доме литераторов, выставки в Историческом музее и Пушкинском доме. В юбилейные дни в Центральные в торжественной обстановке был вскрыт хранившийся там ящик с бумагами писателя — в том числе с его драгоценными автографами — планами романов, черновиками писем.

Примечательно, что и это надо подчеркнуть особо, — юбилей был событием не только для Москвы и Петрограда. Статьи о творчестве и биографии писателя появились и в провинции, например, в тверской и богородской газетах. В Краснодарском пединституте и Донском университете состоялись юбилейные собрания.

В далеком Хабаровске, оккупированном японцами, вышел в свет тридцатидвухстраничный юбилейный сборник «Неизвестные слова». Что в этом сборнике? Сохранился ли он где-нибудь? (Во всяком случае, в таком крупном книгохранилище, как ленинградская Публичная библиотека, его нет).

А вот пожелтевший номер омской газеты «Рабочий путь» от 12 ноября 1921 года. На первой же странице — объявление: литотдел Губполитпросвета проводит в зале Партийного дома «литературное утро», посвященное Достоевскому. Намечен доклад, дискуссия, концерт. «Цены местам от 3-х тыс. до 10-ти тыс. рублей».

А рядом — подборка сообщений о помощи сибиряков голодающим Поволжья. Рядом статья «Признаки эпидемии»: «В Омске снова появляется

Через год в Омске вышли два номера журнала «Искусство». В одном из них — дискуссия. С одной стороны пролеткультовец профессор Г. Круссер начисто отвергает наследие Достоевского, говорит, что он «ныне мертв», что он останется навсегда в прошлом... Его оппонент — поэт Георгий Вяткин, прекрасный знаток культуры, друг братьев Бунных и корреспондент Горького, утверждает обратное. Для него творчество автора «Братьев Карамазовых» — «Это самый сильный в мировой литературе протест против мещанского доволства и тупости, это — колоссальный взрывчатый снаряд, подведенный под дом, где живут мещане всего мира».

1921 год. Молода была советская страна. Молода была и ее новая литература, стоявшая на пороге целого ряда блестящих экспериментов и открытий. И юбилей Достоевского стал для нее одним из важнейших уроков. Об этом прямо говорит современная исследовательница Е. В. Старикова, специально изучавшая вопрос о влиянии Достоевского на советскую литературу.

Лишь один пример. В газете Московского военного округа «Красный воин» никому неизвестный молодой журналист Лаптев, как и многие в молодости, баловавшийся поэзией, напечатал стихотворение «Тебе, нашему», приуроченное к юбилею. А много лет спустя исследователи творчества Леонида Леонова (Лаптев —

«Если бы Достоевский воскрес, он, конечно, нашел бы достаточно преледей и достаточно ярких красок, чтобы дать нам почувствовать всю необходимость совершаемого нами подвига и всю святость креста, который мы несем на своих плечах. Достоевский сделал бы больше. Он научил бы нас найти наслаждение в этом подвиге, найти наслаждение в самих муках и глазами, полными ужаса и восхищения в одно и то же время, следить за грохочущим потоком революции...»

Россия идет вперед мучительным, но славным путем и позади ее, благословляя ее на этот путь, стоят фигуры ее великих пророков и среди них, может быть, самая обязательная и прекрасная фигура Федора Достоевского».

Сколько мужества и любви в этих словах, сказанных все в том же страшном 21 году! В словах первого министра культуры, поставленного на этот пост освобожденным народом. Народом, о счастье которого так мечтал Достоевский, говоривший, что «царство мысли и света способно водвориться у нас, в нашей России, еще скорее, может быть, чем где бы то ни было...»

А. ЛЕЙФЕР.